

18+

Анна
Закревская

Winkelstadt
Великий побег

Winkelstadt
Город-остров

Великий побег
Город-остров
Дневник архитекторов

Анна Закревская

Inselstadt: Город-остров

«Издательские решения»

Закревская А.

Inselstadt: Город-остров / А. Закревская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989873-9

История живых зданий, способных держать мысленную связь с теми, кто помог им сбежать на далёкий остров и превратить его в город мастеров. Город, в котором одни видят ценность хрупкой красоты, созданной неведомыми зодчими, другие — значимость источников энергии, вложенных в сердце каждого здания — и компромисс кажется невозможным. В третьей части вы познакомитесь с автором, который однажды не смог отделить себя от персонажа собственной истории.

ISBN 978-5-44-989873-9

© Закревская А.
© Издательские решения

Содержание

Inselstadt	6
ЧАСТЬ 1. Великий побег	7
ЧАСТЬ 2. Город – остров	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Inselstadt: Город-остров

Анна Закревская

© Анна Закревская, 2025

ISBN 978-5-4498-9873-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Inselstadt

Место и время действия – альтернативная Германия 1950-х годов XX века.

Часть 1. Великий побег

Архитектор Йоахим Андерс, потерявший во время войны жену и сына, постепенно возвращается к мирной жизни, уходя с головой в работу – ведь столько всего предстоит восстановить!.. Поэтому, однажды услышав в своей голове голос полуразрушенного собора, он списывает всё на контузию, полученную на фронте. Но голос зовёт его вновь – «Помоги мне уйти к таким же, как я...»

Архитектор тайком проникает в крипту собора и обнаруживает скрытую под фундаментом ходовую платформу, которую нужно починить и привести в движение. Работа захватывает его целиком, и не остаётся сил даже на встречи с милой девушкой из соседней пекарни, в которую Йоахим всеми силами старается не влюбиться, боясь очередной потери.

Но их встреча всё-таки происходит, благодаря собору стремительно превращаясь в побег из города. Курс лежит на остров, в который остаётся лишь поверить.

Часть 2. Город-остров

Вторая часть посвящена повседневной жизни Инзельштадта, его колоритным жителям и не менее колоритным зданиям, каждое из которых обладает собственным сознанием и историей. Мысленная связь, голографическая маскировка, сенсорные мониторы и ядерные реакторы – технологии, которые этому миру только предстоит открыть.

Эрик Альтман, Хранитель острова, пытается разгадать тайну неведомых Зодчих, которые каким-то образом посетили мир несколько столетий назад, но перед ним внезапно встаёт более насущная задача – срочно спасти те здания, которые ещё остались на материке, потому что кто-то разгадал их тайну и не остановится ни перед чем, чтобы заполнить их источники энергии...
***

Инзельштадт – история архитектора, который услышал зов собора и дал ход его сложным механизмам. История живых зданий, способных держать мысленную связь с теми, кто спас их от сноса или бездумной перепланировки. Теми, кто помог им сбежать на далёкий остров и превратить его в легендарный город мастеров. Город, в котором одни видят ценность хрупкой красоты, созданной неведомыми Зодчими, другие – утилитарную значимость ядерных источников энергии, вложенных в сердце каждого здания – и компромисс одних и других кажется невозможным.

Летит по электрической магистрали синий паровоз. Молнии июльских гроз прямой наводкой бьют в шпили ратуши, заряжая её батареи для нового морского путешествия. И радужным многоцветьем взрываются стрекозиные крылья витражей, когда закатное солнце вновь появляется из-за туч.

ЧАСТЬ 1. Великий побег

В строительной конструкции таится душа. Уметь её вызвать – значит создать Архитектуру¹.

В какие бы города ни заносило Йоахима работой, по весне он всегда возвращался в Хафенбург. Виной тому, вероятно, были вишнёвые сады, чьим безудержным цветением полнился морской ветер, неизменно приводящий архитектора в родной город.

В комнате на Липпенштрассе, в комнате под самой крышей, Йоахим первым делом открывал окно. Вторым – заваривал крепчайший кофе с перцем, к которому приучили его остландские механики. Третьим – и самым важным – делом было прикоснуться губами к акварельному рисунку в простой тонкой рамке и прошептать:

– Привет, Хильда. Привет, Кай.

Хильда и Кай не отвечали ничего, поскольку погибли десять лет назад во время авиаудара по городу, но по-прежнему улыбались Йоахиму с той стороны стекла.

Гибель Хафенбурга сломала страну: война закончилась через два месяца безоговорочной капитуляцией. Архитектор, освобожденный от необходимости взрывать мосты и рассчитывать баллистические траектории зенитных снарядов, весь следующий год мотался по просторам поверженной родины, лихорадочно бросаясь на любые проекты строительства и реставрации в попытке заставить себя жить дальше.

Попытка Йоахиму удалась, хоть он и поседел стремительно. И архитектор бы ни за что не вернулся более в Хафенбург, но по весне на его окраинах вновь зацвела вишня.

Йоахим почувствовал себя дезертиром, предавшим родной город в попытке избавиться от собственной памяти. Ведомый чувством вины и ветром с моря, Йоахим вернулся – но города не узнал. В небытие канул пряничный альтштадт, виновный лишь в том, что заимел своей соседкой военную гавань. Утилитарная эклектика новых районов разрасталась стихийно, кое-где пытаясь совпасть с прежними линиями на изодранной ладони ландшафта. От Морского собора осталась одна колокольня, тощим обугленным перстом тычущая в небеса.

– Не верь небу! – будто бы предупреждала Йоахима колокольня. – Оттуда приходит опасность...

– И вообще, не глазей в небо почём зря, – добавил юный Хафенбург. – Ты мне нужен тут, на земле.

Архитектор послушался города и обратил свой взгляд к насущному. В три последующих года окраины города заполнились аккуратными, словно под копирку снятыми домиками, которые до того полюбили горожанам, что Йоахиму оставалось менять от заказа к заказу лишь сущие мелочи – ибо каждому хотелось хоть в чём-то, да отличаться от соседей, оставаясь при этом под знаменем единства и равенства.

Покончив с домиками, архитектор набрался смелости и подал свой проект на конкурс по застройке торгового района Неймаркт. Но воскресавший Хафенбург не мог себе позволить и – более того – не желал теперь ни точёной красоты, ни филигранного изящества, показавших себя столь непрочными и уязвимыми, а потому рукою нового мэра отклонил проект Йоахима с пометкой «непрактично».

И вновь архитектор послушался города и вновь обратил свой взор к насущному, переделав проект с чистого листа. Именно после этого город одарил Йоахима пятиугольной комнатой под самой крышей, комнатой с видом на далёкие трубы угольного завода, исправно коптящие горизонт, и на новые кирпичные корпуса Неймаркта, каждый из которых, будучи отделён от соседа узким каналом, вызывал у архитектора невыносимую ассоциацию с тюрьмой, состоящей из одиночных камер.

---

¹ К. С. Мельников

Но каждую весну Йоахим распахивал окно настежь не затем, чтобы смотреть на то, как меняется Хафенбург. Он закрывал глаза и до потери сознания вдыхал в себя запах моря и вишнёвого цвета – единственной оставшейся ему константы из прошлого. Душевный мазохизм архитектора походил на болезненное желание сдирать едва подсохшую корку со ссадины на коленке, но по весне Йоахим был бессилён остановить это.

Город остановил сам. Этой весной в воздухе над Липпенштрассе царил душистый, зовущий к простым земным удовольствиям аромат свежее испеченной сдобы.

Кофе, заключённый в фарфоровую чашку, настойчиво потребовал компании. Йоахим плюнул, надел плащ обратно и вернулся на улицу.

Пекарня «Циннамон» праздновала неделю своего открытия, о чём свидетельствовали цветные воздушные шары, наполненные гелием. Йоахим толкнул дверь и сразу очутился перед прилавком. Глаза у него, откровенно говоря, разбежались.

– Впервые у нас?

Архитектор вскинул голову и встретился с парой девичьих глаз, зелёных, словно первые апрельские листья.

«Редкий цвет для этих мест», – подумалось Йоахиму. «Откуда вы?» – хотел он спросить юную продавщицу, но начинать беседу столь бестактным вопросом было не принято.

– Впервые, но, кажется, буду частым гостем. Здешняя роза ветров не оставляет мне ни единого шанса.

Девушка робко улыбнулась и вскинула выгоревшие брови, непонимающая и заинтригованная.

– Я живу недалеко, и ветер от вашей пекарни почти всегда будет в мою сторону, – пояснил Йоахим.

Продавщица рассмеялась, и на смех этот недовольно обернулась её пожилая напарница, разбиравшая лотки с готовой выпечкой, но вслух не сказала ничего, опасаясь спугнуть покупателя.

– Йоахим Андерс, – представился архитектор.

– Катарина Фогель, – ответила девушка, хотев сначала чинно спрятать глаза под ресницами, но затем передумала и глянула седому мужчине прямо в душу.

Йоахим не запомнил, как расплатился и что заказал. Кажется, отдал решение на откуп Катарине. Вернувшись домой, архитектор закрыл входную дверь на оба замка и уселся на пол, не сняв плаща. В голове его с яростью встречных воздушных потоков сталкивались прежние убеждения и новые мысли.

«Она тебе в дочери годится», – исполняло хоровую ораторию общественное мнение. «И у тебя же поётся, что любви все возрасты подвластны», – парировал Йоахим. «Ты зарёкся от новых отношений, потому что боишься новых потерь», – тихо напомнил призрак жены. Это подействовало. Йоахим отдернул ногу от капкана, в который чуть было не ступил, и без единой лишней мысли разорвал бумажную упаковку.

«Выберите то, на что я, по-вашему, более всего похож». Вот что услышала Катарина от нового посетителя.

Ромовый рулет, присыпанный кокосовой стружкой, рулет с начинкой из корицы и вишни – вот что выбрала Катарина для тебя, Йоахим.

И ты не посмеешь соврать себе, что она промахнулась.

***

В следующий месяц Йоахиму стало не до сдобы. Обрушился один из мостов, связывающих островные части торгового района. Очевидцы говорили разное: не то два водителя грузовиков не захотели уступать друг другу дорогу, не то лихой капитан парового бота решил

на спор проплыть под мостом и зацепил его трубой. Йоахиму было всё равно: он не любил пустых пересудов о том, что уже свершилось и изменению не подлежало. Будущее – вот над чем стоило работать. К тому же на этот раз город был в настроении навести красоту хотя бы в мелочах.

Так началась замена всех пяти мостов. Так на месте безымянных калек, наспех собранных из железнодорожных рельсов и разнокалиберных деревянных перекрытий, появились Белый мост и Кружевной; широкий, словно сцена, мост Артистов и изящный вантовый мост Свиданий – для последнего Йоахим заложил двойной запас прочности, предвидя обрастание его перил брачными звеньями, которые каждая пара молодожёнов стремилась замкнуть над водами Альбы. Но более всего архитектор гордился проектом моста Удачной сделки – первого разводного моста в истории Хафенбурга. Увидев чертежи, на которых выступы одной его половины были призваны точно входить в углубления второй, рабочие со своим незатейливым юмором прозвали его мостом Удачного свидания, затмив этой фривольной трактовкой официальную метафору делового рукопожатия.

Словом, когда Йоахим вновь объявился в «Циннамоне», пекарня уже успела обзавестись парой столиков на тротуаре и парой незатейливых пасторалей на стенах.

– Мне не нравятся эти картинки, – проследив за взглядом архитектора, призналась Катарина. – Ни сюжет, ни исполнение. Но это лавочка Греты, ей и решать. Впрочем, перемена формы не испортила содержания. Вы давно не заходили, Йоахим. Надеюсь, новая обстановка не оттолкнет вас окончательно.

В глазах Катаринины плясали юные бесенята. Йоахим почувствовал, как его губы против воли трескаются, словно древесная кора, вспоминая, как это – улыбаться.

«Мосты не отпускали меня», – собрался ответить архитектор, но на кухне что-то грохнуло, лязгнуло и покатилося по полу. Спешно извинившись, Катарина кинулась Грете на помощь.

Йоахим остался один: час был поздний, добропорядочные граждане уже сидели по домам, а недобропорядочные – по барам. В глубине кухни две уставших женщины пытались вернуть на место вылетевший металлический противень.

Архитектор решил, что так быть не должно и что ему ещё достанет сил заменить обеих. Тем более, что злосчастный противень умудрился погнуть направляющие и залезать обратно категорически не хотел.

– Мы не успеем испечь к утру всё, что делаем обычно, – запричитала Грета.

– Если позволите, я схожу за инструментами, – Йоахим, возникший за спиной почтенной фрау, напугал ту аж до икоты. – И попробую вам помочь.

Грета в замешательстве пожевала губами: она до смерти не любила чувствовать себя обязанной кому бы то ни было.

– Не беспокойтесь, фрау, – сломил Йоахим остатки её сопротивления. – Во-первых, я заинтересован в ассортименте вашей чудесной лавочки, а во-вторых, давно хочу поработать с чем-нибудь потяжелее карандаша.

«В Катарине ты заинтересован, а не в ассортименте», – подумала про себя Грета, но играть гордую и независимую особу у неё уже не было сил.

Следующий час Йоахим провел в борьбе с погнувшейся конструкцией и победил. Над восточной окраиной Хафенбурга поднималась рыжая луна. Катарина вышла проводить архитектора.

– Спасибо вам, Йоахим.

– Будем на «ты»? – предложил тот внезапно для самого себя. Призраки жены и сына были, вопреки ожиданиям, совсем не против.

***

Луна успела истаять и возродиться вновь, когда Хафенбург вспомнил о грядущем своём дне рождения и начал спешно к нему готовиться. По этому случаю состоялось официальное открытие мостов, которыми горожане уже три дня как пользовались, но делали это осторожно и словно бы тайком, как ребёнок, нашедший спрятанные подарки, но желающий подыграть родителям во время торжества.

Тем вечером Йоахим Андерс, будто впервые замеченный высшим обществом, был благосклонно им принят. Тем вечером многие знатные дамы пытались подстроить танец своих незамужних дочерей с архитектором, но не преуспели. В самый разгар гуляний, аккурат после фейерверка, герр Андерс исчез. Силуэт его, шатаясь, словно пьяный, пересек пустынную площадь Королей, не был замечен никем и достиг, наконец, разбитых ступеней колокольни, пригнанный к ним словно магнитом.

– Помоги, – перекрывая нарастающий звон в ушах, умолял усталый голос, слышный одному архитектору. Потеряв координацию, Йоахим стукнулся лбом о доски, которыми был задраен входной портал, после чего в бессилии упал на колени. Однажды ему уже доводилось принимать одинокий ночной позывной на аварийной частоте, но тогда была война, и потрепаные боем лётчики запрашивали по радиосвязи координаты аэродрома. То, что происходило сейчас, представлялось архитектору форменным бредом.

– Почему я... здесь? Чего ты хочешь от меня, город?

Ответа пришлось ждать так долго, что Йоахим готов был списать всё на две контузии и уйти прочь, пока никто не заметил его жалкое состояние.

– Я не город, – признался голос. – Я Морской собор. В новом городе мне больше не место. Помоги покинуть его.

«Перевезти грузовым поездом? – архитектор отчаянно пытался шутить, не желая сдаваться на милость безумию. – Или взорвать тебя совсем, чтоб не мучился? Это только в детских сказочках дома ходят на своих двоих...»

В следующий миг Йоахиму показалось, что чудом уцелевший шпиль колокольни проломил ему ребра и разорвал сердце, но прежде чем потерять сознание от боли, архитектор мысленным взором увидел его чертёж и план.

Рассвет застал Йоахима всё на тех же ступеньках – потерянного, уставшего, продрогшего до костей вопреки тёплой летней ночи. Окольными переулками он добрался до дома и, не раздеваясь, рухнул в постель. Последней внятной мыслью архитектора стало долгожданное осознание завершенности. Мосты построены, городу Йоахим Андерс не должен более ничего, а значит, город отпустит его. До следующей весны – или, быть может, навсегда. А колокольню наверняка снесут в его отсутствие, и со временем покажется, что и не было её вовсе...

Во сне мимо Йоахима шагали не то в марше, не то в танце бесконечные соборы, кирхи и ратуши, но вместо ожидаемого грохота и лязга в воздухе царил удручающая тишина. Едва не сбитый с ног острым выступом одного из зданий, архитектор спрятался за ближайший обломок мертвой арматуры, и лишь тогда смог внимательнее разглядеть беглецов.

Парад трёх столетий молча проходил перед ним на гигантских танковых гусеницах и многоногих шагающих платформах. Лишь где-то вдаль, на обочине, плакала одинокая колокольня Морского собора, отчаянно желая присоединиться к великому побегу, но некому было дать ход её механизмам.

– Я прошу тебя, Йоахим, – изломав остатки гордости, вновь обратился собор к человеку. – Помоги мне уйти. Теперь, когда ты увидел наш способ и нашу тайну – пожалуйста, помоги.

Йоахим взгляделся в сложные сочленения гидравлических приводов, коленных валов и шестерёнок, каждая из которых диаметром была с его рост, а то и больше. Покосился на приборную панель, которая имела очень и очень отдалённое сходство с чем-то корабельным.

И окончательно потерял дар речи при взгляде на монитор, до которого нынешним лупоглазым телевизорам было как до Луны пешком.

– Мало увидеть, – архитектору вдруг стало стыдно за предел своих знаний, – надо понимать. Я даже не инженер, а тебе явно нужен кто-то покруче. Прости.

– Ты единственный, кто слышит меня!!

Йоахим, собравшийся было прочь из сновидения, вздрогнул от окрика Морского собора.

– Ты можешь больше, чем город позволяет тебе! – гудел в высоте надтреснутый колокол. – Твои домики – жалкий миг перед глазами вечности! Твоим мостам выстроют замену прежде, чем они успеют обрести хотя бы подобие души!

– О чём ты?..

– Сделай шаг вверх, Йоахим! Сделай сейчас, ибо второго шанса ни у кого из нас не будет...

Йоахим рванулся вперёд в безумной готовности запустить по наитию сложное творение неведомых мастеров – или сгинуть меж его проржавевших шестерёнок, но рука архитектора внезапно оказалась поймана в тёплую ловушку девичьих ладоней.

– Наконец-то ты очнулся...

– Где я, Ката... рина? – голос у Йоахима сорвался на шёпот, имя всплыло словно из прошлой жизни.

– У себя дома, где ж ещё. Ты не заходил к нам ни вчера, ни позавчера, – попеняла ему Катарина. – Я узнала, где ты живёшь и уговорила консьержа отпереть дверь своим ключом. Эти чинуши здорово тебя напоили, да?

«Я не пил, радость моя», – хотел было ответить Йоахим, но при воспоминании о своём бредовом сне изрядно засомневался. Спустя короткое время живая, настоящая и пахнущая корицей девушка вытеснила собою бледный образ готической колокольни, и архитектор смог подняться на ноги. Невыносимое чувство обнажённости – тем более абсурдное, что Йоахим уснул, не раздеваясь вовсе – действовало на него сейчас так же, как могла бы подействовать кружка холодной воды за шиворот. «Да не всё ли равно, каким она меня видит?» – мысленно спросил Йоахим, разозлившись на себя за то, что ему вдруг оказалось не всё равно.

– Мне неловко, Катарина, право же, – вытолкать незваную гостью взащей было бы верхом грубости, поэтому Йоахим пытался обойтись словесными намёками. – Ты из-за меня опоздаешь на работу.

Девушка улыбнулась и хитро подмигнула архитектору.

– Грета так замучила меня своими нравами, что я избавила себя от её общества и взяла отгул. А отгул – от слова «гулять»...

Бесенята в глазах Катаринины скакали чуть ли не с транспарантом: «Неважно, от кого побег. Важно, к кому». Но Йоахим не смел взглянуть на зеленоглазую девушку. Не смел взглянуть на портрет жены и сына. Молчание затягивалось, становясь невыносимым.

«Мне грустно, когда ты запрещаешь себе быть счастливым», – признался с портрета Кай. Архитектор вздрогнул, словно получив хорошего тычка в спину, и по инерции сделал шаг из прошлого в настоящее.

В тот день Йоахим и Катарина выбрались далеко за пределы города. Кормили с руки беззастенчивых парковых белок, катались на больших парных качелях, взлетая попеременно почти до неба. Собирали цветы для гербария. Успели на речной трамвайчик, вернувший их, счастливых, на пристань Хафенбурга. В тот вечер Йоахим проводил Катарину до дома. В тот вечер Катарина впервые узнала, каким бывает поцелуй влюблённого мужчины.

В тот вечер Катарине было сказано, что Йоахиму она не пара.

– Ты правда думаешь, что уважаемый господин всерьёз заинтересован бесприданной сиротой с осландского побережья? – голос Греты наполнился сарказмом. – Что он мечтает связать с нею свою жизнь отныне и навек?

Катарина хранила молчание, не желая спугнуть со своих обветренных губ призрак недавнего поцелуя.

– Не смотри на меня так, – нахмурилась Грета. – Да, я не мать тебе и не стану ею никогда. Но если бы я не забрала тебя из сиротского дома, не дала работу – кто знает, как сложилась бы твоя судьба? Так что будь добра, не наделяй глупостей, ведь твоё доброе имя в этом городе – это и моё тоже.

Рассеянно кивнув в ответ на всё разом, Катарина предпочла скрыться с глаз хозяйки в своём углу за пёстрой ширмой. Как бы там ни было, вопросы Грета задала меткие, но думать над ними девушка собиралась в одиночестве.

В какой момент вопросы эти, неотвеченные, обернулись началом сна – Катарина не уследила. В какой момент сама она, распавшись на части, обернулась грудой кирпичей и цветного стекла, и сколько времени лежала так, сочтённая за мусор – также осталось неизвестным. Но пришёл тот, кому видны были робкие линии её души. Пришёл так скоро, как только сумел, доработал набросок до чертежа и собрал Катарину в стройную башню с цветными витражами окон, распахнутых навстречу рассвету.

И не было дела башне – Катарине до того, насколько добрым будет её имя для города, который смотрел на неё сквозь удушливую вуаль выхлопных газов, соизмерял её с эталонами своих прямых углов – и всё это время видел единственно кучей мусора, бесполезной, неправильной и неприкаянной.

Ей было дело до того, кто сумел следовать линиям наброска.

***

Середина июля на северном побережье страны славилась ясными рассветами и вечерними грозами. Нынешнее лето исключением не стало. Но никто из жителей Хафенбурга, считающих дурным тоном попусту глазеть на небо, не заметил странной закономерности: в этом июле почти все молнии, словно сговорившись, били в вершину заброшенной колокольни Морского собора. Никто, кроме его бывшего пастора, который теперь служил в скромной кирхе неподалёку. Дождавшись, когда минует очередной ливень, пастор пересёк площадь, старательно избегая широких луж – в наступивших сумерках это было весьма затруднительно – и приник к случайной щели меж досок, закрывающих вход на колокольню.

Внутри было темно и тихо; любопытный пасторский нос уловил лишь слабый запах сырости и застарелой копоты. Но было, несомненно, что-то ещё: ветер. Еле различимый поток воздуха стремился сейчас изнутри вовне, нарушая все законы физики закрытого помещения. Пастор вздрогнул и на всякий случай осенил себя святым знаком. Ветер прекратился.

Йоахим, уже неделю работавший в крипте по ночам, святыми знаками пренебрегал, а вместо молитвенника использовал универсальный технический справочник. Страх не справиться, испытанный архитектором во сне, а затем и наяву, когда он послал к чёрту здравый смысл и впервые проник в недра собора, мало-помалу отступал под действием тихого голоса, который если и лез в голову Йоахима, то исключительно по делу. Например, чтобы подсказать, в какой из плит скрывается ключ авторизации, открывающий мастеру доступ в машинный зал. Или затем, чтобы указать на больные места системы, находившейся без движения почти три столетия. Следовало, впрочем, признать, что для своего почтенного возраста механизм сохранился более чем хорошо. Аномально сухой воздух подземелья был тому причиной или утерянная магия – собор не рассказывал, а архитектор не настаивал на немедленной откровенности, опасаясь повредить сложную механику доверия, которым здание за это время едва не разучилось пользоваться.

Немалую часть своих сбережений Йоахим отдал за шлифовальную машинку, пятилитровую канистру смазки, бочку бензина, переносные лампы и прочее в том же духе. Но не это

представлялось ему проблемой. Чуть не каждый день архитектору приходилось лгать. Лгать на рынке, что адова уйма расходников нужна для загородного дома или – того хуже – для личного самолёта, который ему всенепременно переделают к осени из списанного истребителя. Лгать молодым семейным парам, жаждущим поскорее обрести отдельную жилплощадь, что загружен чужими проектами по самое некуда, при этом имея за душой лишь незавершённый набросок особняка для дочери мэра, обречённый тихо пылиться на чертёжном столе. О том, что каждое новое проникновение в крипту было незаконным, и говорить нечего. Но самая поганая ложь предназначалась Катарине, которая заслуживала свиданий в то самое время, когда Йоахима, вернувшегося со своей тайной ночной смены, помимо воли вырубало тяжёлым сном до нового заката. Но даже в этом сне зеленоглазая девушка появлялась до обидного редко, а холодного в своём совершенстве металла, отчаянно жаждущего огня и движения, было слишком много. И чуткие пальцы архитектора каждым своим касанием дарили древнему камню надежду на новую жизнь, пробуждая в нём подобие экстатической радости бытия.

Ночь за ночью, шаг за шагом Йоахим Андерс шёл вперёд и вверх, испытывая на прочность самого себя, поскольку чувствовал, что должен завершить эту безумную работу как можно скорее. Завершить – и вернуться к обычной жизни прежде, чем та окончательно покажется ему выцветшим, неинтересным сном, каким кажется простое оконное стекло тому, кто однажды был очарован многоцветными стрекозиными крыльями витражей. Но ночь за ночью Морской собор открывал архитектору новую, немыслимую высоту собственных технологий, принадлежащих иному месту и времени. Впрочем, какому именно – по-прежнему не рассказывал, и поэтому Йоахим не чувствовал за собой права поделиться тайной собора с Катариной.

На тридцатое утро Йоахим не ушёл домой, как обычно, потому что от усталости потерял сознание прямо в крипте, под сочувственными взглядами аскетичных мраморных ангелов. И то ли архитектор удачно приложился затылком о каменный пол, то ли один из ангелов особо выразительно подмигнул ему – но бардак смещённых приоритетов в голове Йоахима упорядочился сам собой, хрупкая серебряная нить его отношений с Катариной вновь стала весить больше, чем монументальная громада собора, и соотношение это представлялось ему единственно верным.

– Позволь Катарине увидеть тебя, – едва очнувшись, потребовал Йоахим от Морского собора. – Позволь ей увидеть, над чем я работаю. Хотя бы раз. Она не заслужила моей лжи.

– Прости, Йоахим, – ответил собор. – Но я могу дать человеку авторизацию лишь после того, как он сам услышит мой голос. Катарина пока не слышит. Впрочем, в этом нет нужды. Батареи набрали заряд почти до предела. Завтра я отпущу тебя.

Йоахим ожидал радостного облегчения, которое неизменно сопровождало его на финишной прямой любого проекта, но вместо этого архитектора накрыло неожиданной и горькой волной тоски. Разводной ключ выскользнул из его ослабшей руки и грохнул о каменный пол, породив глухое эхо в отдалённых уголках ходовой платформы. Впервые возникло и оформилось в слова не поддающееся здравой логике желание *уйти вместе*, не выбирая между силой любви и высотой творчества.

Где-то в десяти метрах над Йоахимом беспокойный падре вновь приник к щели меж досок – на этот раз ухом. Святой знак уже не помог ему – стало ясно: в оставленной без присмотра крипте прочно обосновалась неблагая сила.

– При всём уважении, падре, неблагой силой я склонен считать либо бродяг, либо анархистов, – ответил на это заявление начальник стражи Хафенбурга, – в любом случае, и с теми, и с другими следует разобраться.

Следующим вечером на площади Королей начали словно бы невзначай собираться люди в штатском, старательно прячущие в походке военную выправку. Этот же вечер выбрала Катарина для того, чтобы выйти торговать с лотка, и имела на площади Королей большой успех несмотря на свою рассеянность, вызванную навязчивым желанием найти Йоахима. Найти

и принять любой исход отношений с ним, потому что пытки неопределённостью девушка более не выдерживала.

Шло время, фиолетовая вуаль сумерек сменилась звёздным фетром душевной ночи; Катарина зажгла свечу на краю лотка, но уходить домой не собиралась. Люди в штатском сочли поведение торговки весьма подозрительным и молча переглядывались за её спиной, понемногу сжимая кольцо. Но задержанию не суждено было состояться: над площадью воцарился звук, который жители города почти сумели забыть и который ни за что не желали услышать вновь. Звук неотвратимой трансформации металла и камня.

– Стоять!

Резкий окрик подкрепился клацаньем взводимых затворов. На останках галереи, ведущей в колокольню, заметалась тощая высокая тень; слитный свет десятка фонариков превратил арку готического портала в театральные подмости, а седого человека в измятом плаще готов был сделать главным героем и жертвой городской мистерии одновременно.

– Йоахим! – не удержавшись, ахнула Катарина.

И тогда начальник стражи допустил первую ошибку.

– Задержать сообщницу! – прозвучал приказ. Стражники, перестав играть мирных граждан, схватили Катарину за плечи. Рассыпались по булыжнику печенья и яблочные слойки, погасла в падении сбитая свеча.

– Отпустите её! – закричал Йоахим. И тогда начальник стражи допустил вторую ошибку.

– Огонь! – прозвучал приказ. Но чтобы прицелиться в Йоахима, стражникам требовалось освободить руки от Катарины, что они, растерявшись, и сделали. А Морской собор вообще был против стрельбы, собору безмерно надоела война, и потому он дёрнулся ещё раз, оборвав под землёй электрические кабели, и в единый миг выключил подсветку площади. Выстрелы грохнули в темноте. Вторил им короткий стон, не услышанный никем. Преодолевая страх тьмы, стражники поспешили в недра колокольни за седым анархистом, но замешкались у входа, фонариками наплодили теней в остатках стрельчатой колоннады, тогда как на стороне Йоахима была память о каждом шаге в верном направлении, которое он сейчас мог взять и при полном отсутствии света. Узкая щель, открывшись в стене, пропустила архитектора внутрь и наглухо сомкнулась за его спиной, предоставив стражникам в бессильной ярости сбивать кулаки о холодный камень.

Оказавшись за пультом, Йоахим открыл подачу топлива и запустил прогрев двигателей. Зачарованный, он наблюдал сквозь защитное стекло, как гигантские поршни с шумом втягивают в себя воздух, обозначая своим движением первый такт симфонии, что не звучала очень и очень давно. Потом архитектора повело в сторону, и он непроизвольно поставил рукоятку тяги чуть не на максимум.

– Торопись... мастер, – отметил собор. – Не стоит. Сюда им всё равно не проникнуть.

– Я ранен. Хочу успеть прежде, чем вырублюсь.

Что-то дрогнуло в разогревающихся механических глубинах: Морской собор осознал, что след, оставленный рукой архитектора на его приборной панели – не смазка и не бензин. Снаружи, разрушая аккуратную симметрию булыжной мостовой, пошла трещинами земля на площади Королей. Загудел под низкими тучами несуществующий колокол. Стражники враспынную выскочили из собора; праздное любопытство зевак было смыто ударной волной первобытного ужаса, и люди бросились под прикрытие ближайших домов, хотя в такую ночь ни одному из зданий уже не могло быть прежнего доверия.

– Я смогу тебя спасти, Йоахим, – прошептал собор. – Лестница справа ведёт в усыпальницу. То, что выглядит гробницей, на самом деле криокамера. Я активировал режим предельного замедления метаболизма. По прибытии немедленно найдём врача. Переходи с дизеля на реактор, включай автоведение, дальше я сам...

Собор никак не мог видеть, но странным образом почувствовал, как архитектор качает головой в решительном знаке отрицания.

– Спаси лучше Катарину. Или отпусти меня объясниться перед ней, прежде, чем я...

Отныне и до конца дней своей новой жизни Морской собор предпочитал думать, что поступил правильно.

Верёвочная петля дважды обвилась вокруг талии зеленоглазой девушки, которая одна не сбежала с площади, а металась перед механическим чудовищем, требуя выдать ей любимого человека. Собор бережно втянул Катарину наверх лебёдкой и выпустил на уцелевшую площадку галереи, откуда вниз вела крутая винтовая лестница.

– Он попросил меня спасти тебя, – раздался тихий голос в голове Катарины. – А я попрошу тебя спасти его.

Прокладывая за собой прямую линию безымянной улицы, сверттяжёлая платформа взяла курс на север, к морю, унося на себе остатки несломленных контрфорсов, резную свечу колокольни и двух людей, которые обладали даром слышать голос собора.

Йоахим очнулся от того, что волосы Катарины щекотали ему лицо. Изорвав свой передник и рукава блузки, девушка перевязала архитектору плечо и ногу. Свежий норд трепал длинные пряди цвета латуни, сплетая их с волосами цвета вольфрама. От холода было почти не больно.

– Рина, – тихо прошептал архитектор, не в силах позвать зеленоглазую девушку полным именем, но она всё равно услышала и пришла в его беспмятство, чтобы удержать от шага за грань. – Родная моя... птица... снишься мне...

– Не снюсь. А может, мы оба друг другу снимся?..

Говорить тяжело: голос срывается не то от ветра, не то от безмерной нежности, которая обретает долгожданную свободу в стремительном встречном движении рук, в тихом касании пальцев.

– Обещай выдержать, Йоахим. Собор говорит, что мы скоро будем на месте. Я не знаю, что это за место, но...

– ...но мы сможем назвать его домом, Рина. Обещаю жить... для тебя.

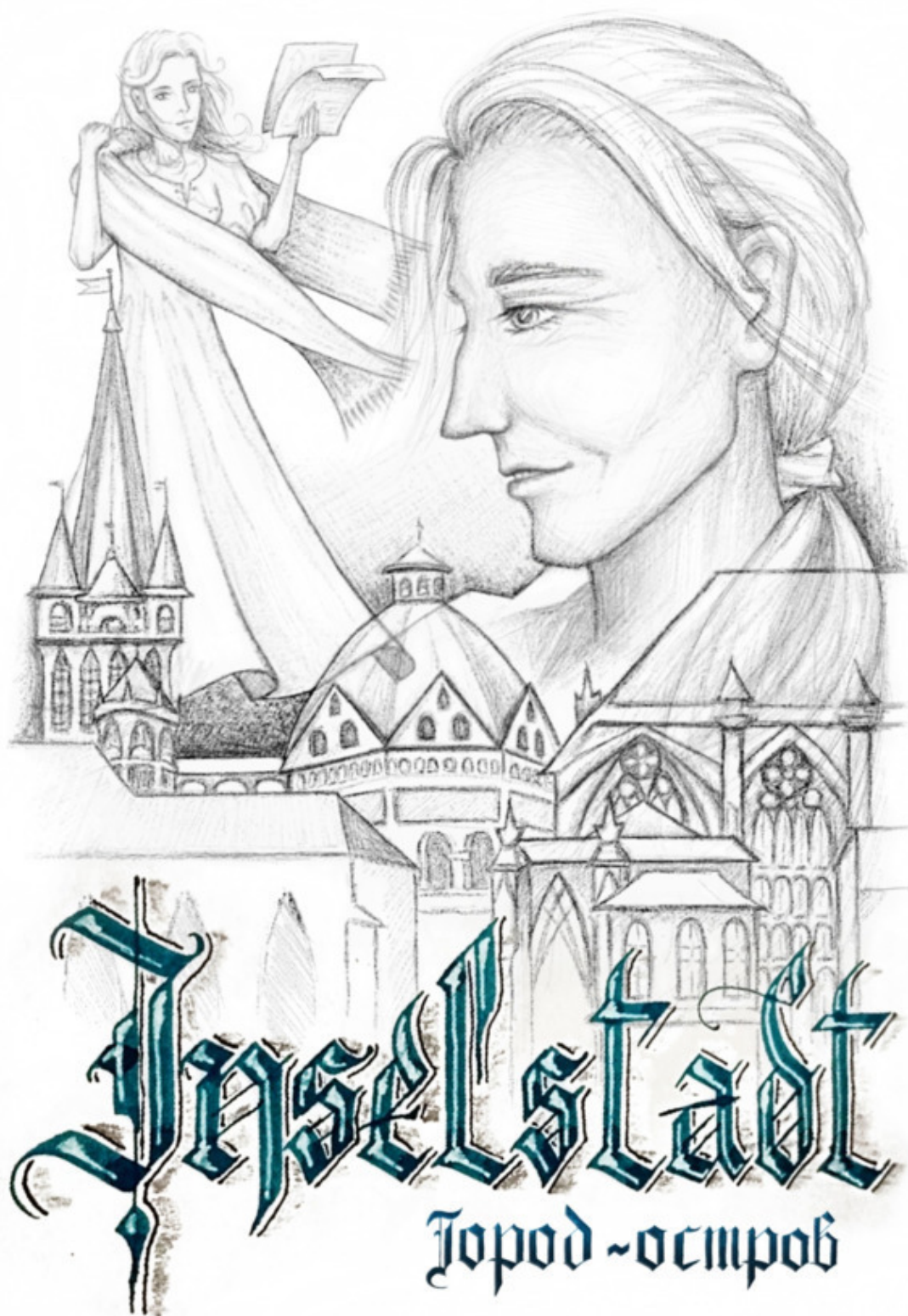
Усилив воли оставшись в сознании, архитектор заметил, что разнонаправленным вибрациям и вынимающей душу тряске давно пришёл конец. Тихий плеск за бортом означал очевидное: собор умел плавать.

А потом он увидел звёзды. И десятки острых шпилей, которые тянулись выше и выше в бесконечном стремлении коснуться звёзд хотя бы на краткий миг.

– Добро пожаловать в Инзельштадт, – голос незнакомый, но, без сомнения, человеческий, приветствовал прибывших. – Я Эрик Альтман, хранитель места.

Говорят, если оставить за спиной дымы Хафенбурга и добраться до побережья, в ясные ночи на северном горизонте можно увидеть далёкое сияние города-острова. Ждать, впрочем, можно не одну ночь и не две, а вечно занятые горожане едва успевают приехать сюда на выходные, так что я бы не стал слишком доверять их рассказам. Впрочем, вы и сами уже успели заметить, что новая брусчатка на площади Королей положена как-то *не так?*..

ЧАСТЬ 2. Город – остров

В согласии дизайна и технологии рождается истинная красота².

Со школьной скамьи Йоахим не предавал забвению свой тайный навык держать карандаш левой рукой, при учителях будучи примерным правшой. Спустя сорок лет это умение помогло архитектору, подстреленному в правое плечо при побеге из Хафенбурга, не остаться на обочине жизни Инзельштадта – более того, работать по призванию с того момента, как он смог самостоятельно встать на ноги.

Работы было много, дьявольски много. Здания, прибывшие из большого мира, теснились друг к другу как попало, словно птенцы в гнезде. Большинство пребывало в относительной целостности, но кое-кому требовалась масштабная реставрация. Место на острове стремительно заканчивалось.

– Скольких мы ещё ждём? – спросил Йоахим у Эрика.

– Спроси лучше, когда, – растерянно улыбнувшись, ответил Хранитель места. – Они смогли связаться ещё с пятью собратьями...

«Они» – это прятничный домик смотрителя реки, вычеркнутый из новых планов застройки набережной. Почтенная музыкальная школа, предназначенная под снос ради проекта жилой высотки. Заброшенная кирха Путеводной звезды, ставшая пристанищем бродячих артистов и ласточек. Госпиталь Благого знамения, главный врач которого согласился отчалить в неизвестность за компанию с местом своей работы, не дожидаясь, пока больничные палаты перекроют под склады. И ещё три десятка зданий, с которыми Йоахим пока не успел познакомиться ближе. Три десятка существ, которые всё это время казались людям не тем, чем были на самом деле, а сейчас, не желая погибать, прибыли на остров из близких и далёких городов, по большей части забрав с собой и тех, кто дал им ход.

– Мы пытались ускорить дело, но ничего не вышло, – добавил Эрик. – Даже здесь, на острове, не у всех людей установилась связь со всеми зданиями подряд, что уж говорить о попытках контакта с теми, кто пока ещё остаётся на материке. Увы, им нужно найти *своего* человека там, где они находятся сейчас...

Йоахим вздрогнул, вспомнив, как его впервые накрыло зовом Морского собора. По всему выходило, что он имел право не принимать связь. Мог перетерпеть, прогнать наваждение прочь и жить дальше спокойной, обычной и понятной жизнью. Или её подобием. Избегая маршрутов через площадь Королей и мечтая забыть о том, что не откликнулся на призыв о помощи.

И никогда, никогда не увидит Город-остров. Никогда не войти в него за руку с Катариной.

«Мой дом там, где ты, Йоахим», – первое, что сказала она, когда Морской собор припарковался у пристани под звёздами, и живые здания Инзельштадта приветствовали её слова светлой безмолвной радостью.

Архитектор прищурился на скопление шпилей, которые отсюда, со смотровой площадки на ратуше, напоминали набор остро отточенных карандашей, готовых расчертить небеса по эскизам воздушных потоков.

– Кто их построил, Эрик?

Хранитель места улыбнулся вновь.

– Спроси их сам, Йоахим, и разреши им дать тебе ответ.

Архитектор закрыл глаза и, ничему более не удивляясь, мысленно повторил вопрос. Спустя несколько долгих секунд тишины его затопило входящей информацией. Радуюсь человеческому интересу, здания не тратили времени на поиск подходящих слов, передавая сознанию Йоахима готовую картинку – прозрачную, звенящую, яркую.

---

² Япец Якопин

Три столетия тому назад, на исходе эпохи Великого объединения земель, мир превратился в одну сплошную строительную площадку, на которой юные государства стремились перещеголять друг друга архитектурой, словно кокетки на вечернем променаде – платьями. Тогда и пришли Зодчие. Откуда – известно не было: изначальные их образы расплывались в памяти новорождённых зданий светящимися силовыми линиями, тем более что Зодчие сразу же привели свой облик в полное соответствие местным традициям, и днём возводили свои соборы и ратуши, как полагалось, а ночью дорабатывали их, как считали нужным. Днём они творили для этого мира красоту. Ночью они превращали здания в величайшие тайники и прятали в них осколки лучших своих технологий, рассчитывая, вероятно, однажды прийти и остаться навсегда.

Так продолжалось – с более или менее долгими перерывами – ещё два с половиной столетия. Потом Зодчие перестали являться в мир.

– Пока наше существование никому не мешало, мы не предавались особенному беспокойству и жили ожиданием новой встречи с создателями, – добавил Эрик, говоря от имени собравшихся зданий, но странным образом не отделяя себя от них. – Однако, сейчас мир меняется, даже не подозревая, что неосторожный снос таких зданий чреват серьёзным бедствием... Мне кажется, Зодчие смогли бы почувствовать, что над их творениями нависла угроза. Не хочу думать, что в их родном мире случилось что-то непоправимое, но...

– Но нам нужно продержаться как можно дольше, – неожиданно для самого себя выдохнул Йоахим чеканную формулировку войны, смягчив её вопросительной интонацией. – Спасти всех, кого сможем. Это план-минимум. План-максимум – отыскать Зодчих?..

Эрик одобрительно кивнул. Позволил себе, впрочем, скорректировать ход мыслей архитектора.

– Последние три года я посвятил именно этому. Попутно составлял каталог памяти зданий, которые прибывали на остров – проще говоря, сделал сотни зарисовок по картинам с их мысленного потока. Впрочем, подробнее об этом тебе расскажет капеллан, он ведёт основную хронику. По мере сил я также занимался реставрацией вместе с остальными. В этих задачах преуспел. В поиске – увы, нет...

Йоахим придержал уже заготовленные вопросы, пытаясь поймать в фокус сознания некую мелочь, которая, словно песчинка в часовом механизме, мешала архитектору воспринимать ход событий естественным и ровным.

Вот оно. Пронзительное ощущение пустоты. Город мог в упор не замечать свои здания, пока они смиренно стояли на месте. Но уход по собственному желанию – это удар, после которого бесполезно внушать себе, что от него совсем не больно.

– На месте ушедших зданий остаются котлованы и пустыри, – перед глазами Йоахима встала воображаемая ретроспектива побега, которую он пропустил, будучи без сознания. – Люди видят, как эдакая громада отдаёт якоря и сваливает в закат. Ладно бы пара человек – после такого они наверняка окажутся в душелечебнице, но десятки... сотни... Неужели ни разу не было погони? Неужели мы не видны с воздуха?..

Меж бровей Эрика залегла тонкая складка: Хранитель места напряжённо решал, стоит ли открывать Йоахиму все карты прямо сейчас. Решил, что прежде должен увидеть архитектора в деле, и ответил уклончиво:

– Погони были, но успеха они, как видишь, не имели. Пока – не имели. Впрочем, нельзя бесконечно полагаться на везение и... кое-что ещё, о чём я обещаю поговорить с тобой чуть позже.

На следующий вечер Инзельштадт пополнился маленьким, но гордым локомотивным депо. С дюжиной работников и двумя сотнями пассажиров. Такое на памяти Хранителя случилось впервые.

– Мы пробовали подружиться с электрическими составами, – стараясь не обдавать Хранителя паром и копотью, тихо пояснил усталый чёрный локомотив. – Но успеха не достигли. А потом паровозный круг приказано было законсервировать, подвести по нашей территории пути к электродепо и тем самым лишить нас выхода на магистраль. Поначалу старое депо хотели превратить в музей, но затем стало известно, что и этого не планируется...

Эрик сосредоточенно кивнул, давая паровозу знак, что понял безысходную альтернативу, которая предназначалась ему и его товарищам.

– Мы не боимся смерти, – добавил паровоз, – но умирать без цели, не выработав собственный ресурс, были не согласны. Бригада механиков и два машиниста поддержала нас в решении сбежать – о, поначалу они дар речи потеряли, узнав, что их депо может сняться с места, словно перелётная птица!.. А потом мы обнаружили, что нас слышат и те, кто тоже хотел бы... уехать.

Зов паровозов оказался иначе смодулирован по частотам, чем у большинства зданий, и оттого был острее, пронзительней и созвучней неприкаянной человеческой тоске по иным горизонтам. Слыша этот зов сквозь тяжкие завесы тревожного сна, люди вставали, собирали при свете полной луны самое необходимое и молча шли по пустынным улицам к единственной платформе своих посёлков, спящих глубоким праведным сном. Поезд приходил вне расписания, но всегда – вовремя, и одинокие пассажиры с лёгким сердцем покидали места, которые были им родными по факту появления на свет, но никак не по духу.

– Скажи, Эрик, – совсем уже тихо спросил чёрный паровоз. – Неужели нас делает плохими и негодными лишь тот факт, что в мире появилось нечто лучшее? Неужели нам должно быть уничтоженными только поэтому?..

Эрик хотел бы одарить чудесными надеждами и локомотивы, и их пассажиров, но предпочёл путь предельной честности.

– Нет. Я не считаю так, как ты сказал. Но Инзельштадт – не Царство небесное и не божественный остров из древних легенд. Мы всё ещё в этом мире, и мы не разорвали с ним связь, хоть и вынуждены таиться. Я рад всем прибывшим без исключения, но вряд ли могу обещать вам новой дороги и беспечной жизни здесь и немедленно, особенно в перспективе зимы...

Чёрный локомотив коротко фыркнул:

– Нет проблем. Работа за работу. Мы сделаем всё, чтобы люди не замёрзли, но с приходом тепла вы поможете нам вновь обрести движение, пусть лишь в пределах острова.

Удивительное дело, но явление поездов стало для Йоахима заветным осколком, благодаря которому в его голове наконец сложился витраж нового городского плана. Необходимость выгуливать паровозы задавала требования к ширине главных улиц, меж которых здания распределялись бы по принципу личной симпатии или смежных предназначений – чаще всего эти понятия были тождественны, что безмерно облегчало архитектору расчёт необходимых площадей. Оставалось принять к сведению местную розу ветров и перестроиться согласно ей, чтобы угольные дымы как можно скорее покидали Инзельштадт.

Но прежде прочего стоило подумать о людях. Главным образом потому, что багаж у большинства прибывших с поездами оказался собран не как в поход, а как в последний путь. То есть – с минимальным количеством съестного. Гуманитарной катастрофы на отдельно взятом острове удалось избежать лишь потому, что полсотни старожилов во главе с Эриком пустили в расход свои запасы, привезённые на катерах с материка. Это позволило выиграть немного времени, но никак не решить проблему.

И тогда Морской собор предложил свою помощь.

– Из всех зданий я сохранился меньше всего, – в голосе собора сейчас не было ни надрывной печали, ни упрёка мирозданию, – но сейчас это можно обратить в дело. Верхнюю площадку предлагаю использовать под перевозку грузов... а уж баржей в порту я ещё в состоянии прикинуться.

Йоахим поперхнулся собственным удивлением и молча уставился в стрельчатые окна колокольни – будь собор человеком, он поймал бы растерянный взгляд архитектора, который обнаружил, что знает о своём подопечном далеко не всё.

– Составляйте список покупок, друзья, – Эрик разрядил обстановку, умудрившись пошутить и отдать приказ одновременно. – Настало время использовать золотой запас, обнаруженный в тайниках часовни святого Микеля. Одна крупная вылазка на материк – всяко лучше, чем много мелких.

Сам Хранитель планировал посвятить себя долговому и обстоятельному разговору с локомотивами. Прежде всего – о том, кто успел вложить в них душу, если Зодчие не появлялись в мире очень и очень давно.

***

Аномально тёплая осень пришла в Инзельштадт как благословение, позволив жителям города вести работы на открытом воздухе до последних чисел октября. Было сделано много, фантастически много, и Эрик назвал бы этот трудовой подвиг чудом, если бы не знал его механики.

В основе её пребывала ненавязчивая помощь самих зданий, чей язык трёхмерных образов оказался понятен даже тем, кто в строительстве не разбирался. Вектор был задан грамотной координатой со стороны Йоахима, который умел перевести эти образы в чертежи, а чертежи – в чёткий алгоритм действий по их воплощению. Но ключевым элементом, огнём и топливом любого движения вперёд стало удивительное и ценное, словно редкий металл, чувство нужности здесь и сейчас. Это чувство с одинаковой силой захватывало и здания, и людей, временами требуя от них работы на пределе возможностей, но взамен отдавая больше, безмерно больше.

Водонапорная башня ко дню своего юбилея обрела новый мощный насос. Пекарня «Три пончика» с подачи Катарины вызвалась по весне разбить у себя на крыше огород; многие дома, сознавая нехватку свободной земли и постоянную трансформацию той, что имелась, захотели последовать заразительному примеру пекарни. Трубы отопления, выполненные из новомодного термопластика, были успешно проложены от паровозов до ближайших зданий, в числе которых оказался и госпиталь, привычный к размещению большого количества людей. К радости почтенного заведения, на этот раз никому из них не было плохо и больно.

– Я обещал поделиться с тобой секретом невидимости острова, Йоахим, – кажется, Эрик обладал безграничной памятью, особенно на данные им самим обещания. – Впрочем, твой собор в некотором смысле опередил меня. Направленные голографические искажения – так этот способ маскировки называют сами здания. Всё это время они поддерживали для проплывающих мимо кораблей и пролетающих самолётов иллюзию необитаемого клочка земли. То же самое они делали на протяжении подготовки к собственному побегу, так что местные жители порой успевали привыкнуть к тому, что какой-то дом, который они толком и не помнили в лицо, стоит на долгой реставрации, а потом оказывается вроде как пущенным под снос. К тому же порой и выдумывать особо не приходилось – ты сам слышал, какая судьба ждала многих. Но непрерывная поддержка голограмм выматывает здания, по капле отбирая тот ресурс, за счёт которого они стареют так медленно и до сих пор не разрушились... если речь, конечно, не о пострадавших во время войны. У них, как ты сам успел заметить, энергетические контуры сильно повреждены, и ночами их мучит фантомная боль от утерянных частей конструкции, но здесь они хотя бы знают, что рано или поздно будут восстановлены. Меж тем, остров занят практически полностью, жителей также прибыло, поэтому я всё чаще думаю, что пора прекратить это бегство от самих себя... и от мира.

Заинтригованный, Йоахим вскинул бровь. До этого момента он считал Хранителя таким ходячим оберегом хрупкого прошлого от яростных ветров настоящего – возможно, виной тому было название должности Эрика.

– Я хочу запросить для Инзельштадта статус независимого города, – признался Эрик. – Но до того, конечно, многое понадобится привести в соответствие требованиям... Впрочем, так я сейчас обозначаю цели, а не препятствия. Строительство придётся отложить до весны, но на скуку времени не останется всё равно... потому что мы будем учиться. У зданий и друг у друга.

В день первого снега город-остров сделал новый шаг вперёд и вверх, становясь городом мастеров во имя идеи, в которую беззаветно верил его Хранитель: сотворённое ради чего-то не может уйти в никуда³. Сотворённое однажды с любовью, вдохновением и максимальной отдачей, обретает собственную жизнь от искры жизни творца. И нет ничего хуже, чем дать этой искре погаснуть в забвении и ненужности.

– Дело не только в том, чтобы мы могли быть на подхвате друг у друга, – говорил Эрик, и от его слов казалось, что остров подобен кораблю, дрейфующему в открытом море с пёстрой командой на борту. – Сейчас время триумфа конвейеров. Пусть. Мы здесь тоже пользуемся технологическими достижениями, и я их всячески приветствую до тех пор, пока они не разрушают облик зданий и не ранят тем самым их душу. Но рано или поздно, думаю мне, люди устанут от типовой мебели и безликих многоэтажек, куда ежедневно возвращаются после работы, чтобы забыться тяжёлым сном. Захотят создать что-то созвучное себе. Быть может, даже собственными руками. И пусть они найдут здесь такую возможность... ибо что ещё мы можем предложить миру за право быть теми, кем хотим?

Вероятно, идея Эрика Альтмана была наивной и утопической. Скорее всего – таковой она и была, если смотреть на неё со стороны того мира, от которого город-остров пока ещё оставался скрыт ширмой оптических иллюзий. Но для обитателей Инзельштадта эта идея стала воздухом, смыслом, спасением.

Никто и никому не говорил здесь: «Зачем тебе это знать?» и «Ты этого не сможешь». Говорили: «Хочешь, помогу?» и «Хочешь, научу всему, что умею?» Жители города-острова были очень и очень разными – так у двух соседних домов нельзя было найти одинаковых фасадов, но общим знаменателем для них стала не одна лишь задача выживания, которая – так или иначе – стояла перед каждым и раньше. Станный, не поддающийся изучению дар слышать голоса зданий и отвечать им – вот что позволяло чувствовать себя среди своих.

– Это не магия, всего лишь частотная синхронизация электрических волн мозга и... назовём это «центром сознания», – так кирха Путеводной звезды обозначила тяжёлые многогранники из неизвестного металла, заложенные в недра каждого здания – туда, куда без авторизации было не войти, разве что разнеся в клочья входной механизм. От многогранников, ныряя в глубину несущих стен каждого здания, невидимо расходились нервные волокна проводов, а взгляду оператора был доступен лишь прямоугольник экрана – идеально плоского, яркого до рези в глазах и чувствительного к касаниям пальцев. Широкий функционал многогранников проявлялся ежедневно, но внутреннее устройство обречено было остаться для мастеров непознанным, потому что ещё не существовало в этом мире инструментов, способных вскрыть монолитную оболочку вычислительного центра.

– Мы не очень любим без спроса лезть в чужие мысли, – признался дом смотрителя реки, словно извиняясь за мольбы о помощи, до которых вынуждены были дойти его собратья ещё там, на материке, – но здесь вам достаточно позвать нас, чтобы мы откликнулись. Тем более что ваши ключи авторизации служат усилителем сигнала.

---

³ Юльхен Глазова

Ключи, надо сказать, больше походили на украшения, чем на привычные средства отпирания замков: тонкие, изящные подвески с витражной росписью на лицевой стороне и сложной микросхемой на обороте. Именно с их помощью жителям острова рано или поздно удавалось установить диалог и с другими зданиями.

– Можем ли мы... однажды потерять с вами связь?

Этот вопрос был задан вслух юным настройщиком роялей, но мысленно его себе задали, вероятно, многие. Кирха немного помолчала, прикидывая вероятности.

– Если вы окажетесь за линией горизонта, а меж нами не найдётся здания-ретранслятора – да, но эта потеря будет временной. А если вы сами захотите забыть всё, что было здесь, и вернуться к прежней жизни – связь будет потеряна навсегда.

– Там должны очень постараться, чтоб мне этого захотелось, – криво и горько усмехнулся в усы главный врач госпиталя. – Заполнять бесконечные бумажки о пациентах вместо того, чтобы принимать самих пациентов? Воевать со страховыми компаниями, выгрызая у них деньги на лечение тех, кто потерял здоровье на производстве? Делать всё возможное – и выходить крайним?..

Эрик стоял у высокого окна, рассеянно прислушиваясь к вдохновенной тираде доктора, и смотрел, как лёгкая снежная взвесь медленно опускается на Инзелъштадт, окрашиваясь золотом и серебром в лучах полуденного солнца. Туман с незамерзающего моря и водяной пар, восходящий над локомотивным депо, укрывали город-остров невесомой вуалью, делая его торжественным и тихим, словно невеста, которой не дозволялось видеть своего наречённого, зато дозволялось верить, что он будет к ней приветлив и добр.

***

На излёте февраля, отомстившего ледяными ветрами за щедрое тепло прошедшей осени, в городе случилась первая потеря. Старый капеллан, столь много сделавший для систематизации историй, которых у каждого здания было в избытке, успел украсить изящным вензелем последний лист очередной главы и перестал дышать навсегда. Почувствовав внезапный обрыв контакта и чёрную пустоту на том конце, часовня святого Микеля позвала на помощь врача, попутно зацепив пару его новых учеников. Они продрались сквозь метель, нанесли на мозаичные полы снега, а под своды – тревожных, отрывистых фраз, но всё, что им оставалось – это принять своё поражение и констатировать смерть.

Печальная новость выбила у Хранителя почву из-под ног, но даже в столь тяжёлый момент он не потерял связи с будущим днём, в котором предчувствовал новые смерти и – хотелось верить – новые рождения, а потому принял решение, которое на первый взгляд казалось странным, но на второй – верным:

– Мы похороним нашего товарища в море. И установим на берегу знак в память о нём.

В тот вечер никому толком не работалось, хотя уйти в работу пытались многие. Но у механиков из депо упорно не клеилась сборка каркасов под будущие грядки, булочки у Катарины получились пресными и грустными, а паровозы коптили, понуро вздыхая, серым угольным дымом. Юный настройщик роялей, пришедший поддержать осиротевшую часовню, сидел перед её органом и осторожно гладил клавиши, не смея нарушить безмолвие.

– Можешь играть, – разрешила часовня. Парень вздрогнул, впервые услышав в своей голове её тихий и добрый голос.

– Я никогда не работал с органом...

– А я и не жюри музыкального фестиваля. Пожалуйста, играй. Что угодно и как угодно, только прогони эту тишину...

Решительно выдохнув, настройщик взял первый аккорд, и в сизом сумраке над островом полетели от одного окна к другому спокойные, торжественные звуки, превращая тяжкую тоску

в светлую печаль, а затем унося прочь и её – для того лишь, чтобы освободить место для новых сил и новой радости.

Второй раз орган зазвучал в начале весны, обозначая начало свадебной церемонии между Йоахимом и Катариной. Неофициальной, разумеется, церемонии – ведь Инзельштадту ещё не было дано звание независимого города – но от того не менее настоящей.

Когда навстречу первым вечерним звёздам вознеслись цветные искры самодельных фейерверков, высоко в воздухе прошла волна неопознанного электромагнитного возмущения, но она была перекрыта ударными волнами взрывов прежде, чем здания успели зафиксировать её, и более не повторялась.

Разламывая бронированными бортами последние осколки тонкого зимнего льда, одинокое здание держало курс на огни заветного острова, в эту ночь сиявшие над морем лучше любого из маяков.

***

Сон покинул Эрика в самый безмолвный час перед рассветом, и Хранитель не смог понять, что стало тому причиной. Вспышка зарницы на горизонте? Еле уловимое сотрясение земли? Раскрыв глаза навстречу вязкой комнатной темноте, Эрик рывком поднялся с кровати и в три шага достиг окна.

Такую панораму Инзельштадта он видел впервые. Освещённые мощным контровым светом, бьющим откуда-то с берега, шпили на трёх куполах Эйхенского собора казались остриями гигантских вил, грозно поднятых навстречу небу. Вокруг были вилы поменьше, а за самим собором творилось какое-то движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.